

БЛИЖЕ

ИЗМАЙЛОВА

В 42

РАЗВОД

ВЕРНИ

Меня, МОЙ

ГЕНЕРАЛ

Элен Блио

Развод в 42. Верни меня, мой генерал

<https://litres.ru/74085063>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Светлана Владимировна, вы больше не врач, извините.

Меня лишили всего. Муж бросил, его отец уничтожил мою карьеру. Но я не сдаюсь. Бегу в город, где меня никто не знает. Пытаюсь начать все сначала. Устраиваюсь медсестрой в военный госпиталь, по совместительству санитаркой. Делаю уколы, ставлю клизмы, убираю, а однажды слышу знакомую фамилию.

- Соболь

- Ну, здравствуй, Александр Сергеевич.

- Лана? Ты ты же погибла?

- Жива, как видишь

Я говорила всем, что погиб он. За две недели до свадьбы на учениях. А я осталась, не одна, с двойней в животе. Теперь мне нужна его помощь, но что делать, если беспомощен он?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	54
Глава 10	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Элен Блио

Развод в 42. Верни меня, мой генерал

Глава 1

— Римма Марковна, а что вы делаете?

— Избавляюсь от твоего хлама!

Удивленно смотрю на свекровь, которая снимает новые гардины. Я повесила их неделю назад. Шила на заказ в хорошем специализированном ателье, давно о таких мечтала, но всё время откладывала — в новый дом, в новый дом.

И вот новый дом, наконец, готов, мы переехали.

Но совершенно неожиданно для меня с нами переехала и мать моего мужа, Римма Марковна. Я надеялась, что это временно, что она переночует, ну, максимум проведет у нас пару дней и поедет в свой дом, в котором живет вместе с мужем, отцом моего Андрея. Увы, видимо, что-то пошло не так.

Что именно — я пока не понимаю.

Вообще ничего не понимаю.

Я пришла с работы, у меня была вторая смена, грудничковый день — один из самых сложных всегда. Но за столько

лет в педиатрии я, кажется, ко всему привыкла.

Ко всему, только не к причудам свекрови!

Я устала. Я хочу просто отдохнуть в своем доме, а не прекаться с человеком, который за двадцать лет моей жизни с мужем так и не стал родным.

Но закрыть глаза на то, что мои шторы она называет хламом...

— В смысле, Римма Марковна? Это новые гардины, сшитые на заказ!

— А я говорю — хлам! — она поворачивается и смотрит на меня с такой ненавистью. — Хлам, как и ты! От тебя тоже пора избавиться, учитывая, что Андрюша уже нашел себе нормальную женщину, которая родит ему, наконец, нормального ребенка!

— Что?

Сказать, что я в шоке — ничего не сказать.

Я просто дара речи лишилась.

— Ты всё слышала, Света. Тебя давно надо было удалить из жизни моего сына. Но он всё миндальничал с тобой. Любил тебя, убогую...

— Как вы со мной разговариваете? В моем доме?

— А с какого перепугу он твой? До Андрюши! Куплен на деньги Андрюши. И мы с отцом ему помогали. А ты... ты только тянешь с него вечно. Тянешь, тянешь! На себя и своих... нагуленьшей.

— Что? Как вы смеете так говорить про моих детей!

— Смею! Потому что прекрасно знаю, что это дети не моего сына!

Свекровь прищуривается, смотрит на меня с такой ненавистью...

Я ведь никогда не скрывала, что мои близнецы не от Андрея!

И он не скрывал.

Мы с ним встретились, когда я была на пятом месяце.

Он почти сразу сделал предложение — Андрей меня давно любил, еще со школы. Поэтому, узнав о моей непростой ситуации, пришел на помощь. А я сразу согласилась эту помощь принять, потому что у меня просто не было выбора.

Андрей меня любил, а я... Я позволяла себя любить первое время. Потом уже оценила его, пришли чувства. Конечно, не такие, которые были к отцу моих детей, но...

Там всё было слишком сложно, не стоит вспоминать. Тем более... тем более, что его давно уже нет в живых.

Мы с мужем жили хорошо, можно сказать счастливо.

Я понятия не имела, что оказывается я — хлам!

А у него есть другая...

— Римма Марковна, знаете что... мне кажется, что вы бредите. Я не хочу усугублять конфликт, поэтому давайте-ка вы оставите мои шторы в покое и пойдете к себе. А еще лучше, поедете. К себе домой.

— А это мой дом! Ты бы хоть в документы заглянула, святая простота! Как хорошо, что я надоумила Андрюшку так

всё оформить. Теперь у него с Мариночкой свой шикарный дом, родится малыш, и всё будет прекрасно.

— С Мариночкой? — Меня осеняет догадка.

Мариной зовут крестницу моей свекрови, молодую девушку, которая вот уже три месяца работает у Андрея. Римма Марковна заставила моего мужа взять на работу это недоразумение. Он месяц плевался, орал, что она тупая как пробка, на уме только шмотки и косметология, губы увеличила, ресницы нарастила.

Значит... Андрей мне изменил с Мариной? Или это влажные фантазии этой дурочки и моей «сверникровушки»?

Вероятно, фантазии, потому что у Андрея не может быть своих детей.

И я ей об этом говорю.

— Какой малыш, Римма Марковна? Вы прекрасно знаете, что Андрей бесплоден!

— Это с тобой он был бесплоден! А с Мариной всё получилось!

— Вы в своем уме? Вы же в курсе, что проблема, которая есть у Андрея, не лечится!

— Лечится, моя дорогая, всё лечится! Это просто ты не захотела, чтобы он лечился! Врачиха тоже тут нашлась! Безмозглая! А Марина отвела его к нормальному специалисту, и сразу всё получилось.

— Неужели? — Тут у меня просто заканчивается словарный запас. — Главное, анализ ДНК не забудьте сделать, что-

бы Марина вам сюрприз не преподнесла, а то... я слышала, как она рассказывала про дружбу со студентами из Эфиопии и Южной Африки.

— Закрой рот, сука! Закрой рот, поняла? Закрой рот и пошла вон отсюда!

Смотрю на свекровь и понимаю, что у нее хорошее такое осеннее обострение.

Нет, я давно понимала, что Римма Марковна — малоадекватная женщина, но сейчас.

— Вы как со мной разговариваете? Вам кто дал право так кричать? Обзывать меня? Мне что, на освидетельствование вас отправить?

— Это я тебя сейчас отправлю! — кричит она и бросается на меня с кулаками!

Я в шоке, пытаюсь защищаться, заблокировать ее удары, но понимаю, что шансы неравны. Она высокая, полная, и просто так мне с ней не справиться.

Решаю просто скрутить ее, заламываю ей руку, в этот момент свекровь начинает дико, истерически орать.

— Помогите, спасите, она на меня напала! Она сумасшедшая! Помогите, господа, убивают! Спасите!

Я отпускаю ее, но понимаю, что поздно...

Как в замедленной съемке поворачиваюсь и вижу стоящих в дверном проеме Андрея, Марину, свекра, и... нашего местного участкового Сергея, с которым я познакомилась некоторое время назад.

— Света, ты... ты сошла с ума? — вижу, как лицо мужа покрывается алыми пятнами.

Это не от злости.

От стыда.

Понимаю, что его заставили участвовать в этом фарсе.

Но зачем?

Пока еще я этого не знаю, но очень скоро мне всё станет ясно.

Глава 2

— Ну, здравствуй, муж, получается, тебя можно поздравить? — Отпускаю свекровь, которая тут же перестает орать как резаная, отскакивает от меня, потирая руку.

— Света, хватит, не надо... — тихо просит муж, а вот его новая любовь, кажется, считает, что очень даже надо.

— Да, можно! — наглая Марина выступает вперед, еще и живот выпячивает. Живот, которого пока еще нет.

Но я не сомневаюсь — будет.

Вот только кто будет в том животе...

Я ведь прекрасно знаю, почему у нас с Андреем своих детей так и не появилось. Он это мне сам озвучил, как раз тогда, когда я ему про свою беременность рассказала.

Свинка. Эпидемический паротит. То, чего так боятся мамы мальчиков. И не зря боятся. Хотя это заболевание далеко не всегда приводит к бесплодию, но ведь никому не хочется войти даже в тот небольшой процент неудачников.

Андрей, увы, в этот процент попал. У него и болезнь в детстве протекала тяжело, и потом были осложнения, в подростковом возрасте перенес варикоцеле, что еще сильнее уменьшило его шансы.

Мы проверялись, конечно.

Я же врач. Не могла я просто сидеть сложа руки.

Если бы была хоть какая-то вероятность, что у нас полу-

чится!

Не получилось.

Зато прекрасно получилось у Марины.

Ха-ха, три раза...

— Я жду ребенка от Андрея, поэтому... вам лучше оставить моего мужчину в покое.

— Какой срок? — спрашиваю деловым тоном.

— Десять недель.

— Идеально. Можно сделать тест на отцовство.

— Какой тест? Вы в своем уме? Я беременна от Андрея!

Вы поняли? Я... я к нему девушкой пришла, ясно?

— Девушкой? Ясно. В какой клинике ты стала девушкой?

— Ну всё... Это просто... Ты кто такая, чтобы на ребенка наговаривать, а? Ты, шалава, сама нагуляла в свое время, ду-маешь, всё такие, как ты? — снова налетает на меня Римма Марковна, брызжет слюнями и ядом.

— Я не нагуляла, — отвечаю, зубы сцепив. — У меня же-них погиб за две недели до свадьбы! Ясно вам?

Сердце бьется еще активнее, щеки алеют.

Я повторяю то, что говорила уже много-много раз.

И мне больно. Каждый раз так мучительно больно!

— Интересно! Погиб ДО свадьбы, а не после! Это и называется — нагуляла! И ты меня еще будешь в чем-то обвинять! — Марина выступает дерзко, а...

Я оглядываю всех присутствующих, понимаю, что мне нужно выпить воды и хоть ненадолго лечь, иначе я просто

упаду.

— Ясно всё с вами... родственнички. Шли бы вы...

Разворачиваюсь и сама иду. Иду на кухню.

Руки дрожат. Вся дрожу.

Всё происходящее похоже на какой-то фарс. Сюрреализм.

Называется — пришла с работы.

— Это куда это ты пошла? Ты меня чуть не убила! —
вслед мне вопит свекровь, а я открываю кран, наливаю в стакан воды, делаю глоток.

Римма Марковна залетает, вижу, как горят ненавистью ее глаза.

Не понимаю, за что она со мной так?

За детей не от Андрея?

Но ведь она сама говорила, что это хорошо, раз он отцом стать не может? Она прекрасно знала про его диагноз и проблемы. И скрывала, что внуки неродные. Правда, любви сильной мои близнецы от нее не увидели. Но Римма в принципе не из тех, кто кого-то сильно любит. Она и сына-то своего не особенно баловала чувствами. Да и мужа.

— Чего это ты тут хозяйничаешь, а? А ну-ка...

У меня больше нет аргументов и желания спорить.

Я беру и выплескиваю остатки холодной воды прямо ей в лицо.

Свекровь громко визжит, закрывает лицо руками.

— Ударила! Она меня опять ударила! Она...

Снова на пороге участковый и вся семейка Аддамс.

Клоуны, блин...

Странно, что до этого дня я жила вполне нормальной жизнью и даже не представляла, что такое может случиться!

Радовалась новому дому, который мы, наконец, достроили. Пусть ремонт еще не весь, но уже можно жить. Можно вешать гардины, покупать картины, мебель...

Стоп.

Неожиданно я словно прозреваю!

Вспоминаю, как реагировал Андрей на мой энтузиазм.

Почему-то постоянно твердил, что надо немного подождать. Или вмешивался в мой выбор, там, где, казалось, не должен был.

— Дорогая, ну кухня, ясно, встроенная, но эта мне не нравится, может, вот эта лучше?

Тогда мне казалось, что ему помогает в выборе мама. С кухней мы еще как-то нашли компромисс, а вот дальше...

Дальше Андрей просто поставил меня перед фактом — ничего лишнего не покупать, мол, пока нет денег.

Оказывается, дело было вовсе не в деньгах!

Это... это он ждал, ждал удобного момента, чтобы взять и вышвырнуть меня!

Чтобы мебель и всё остальное выбирала она!

Марина!

Вместе с его мамашей.

Медленно ставлю стакан на стойку.

Покачиваясь, иду в сторону столовой. Там еще одна дверь.

Мне не придется столкнуться с ними.

Меня шатает.

Прислоняюсь к стене, перед глазами мушки черные.

— Посмотрите, товарищ участковый, она же просто не в себе, она пьяная! Или еще хуже. Ударила меня, наговорила всякого. Ее изолировать надо! Заберите ее, пожалуйста. Тут у нас девушка беременная, то есть женщина...

— Куда же я ее заберу?

— А куда мы договаривались, туда и заберите...

Голова кружится, пелена вокруг.

Последняя здравая мысль — Соболь, как ты мог? Как ты мог меня оставить? Как ты мог вот так...

Глава 3

В себя прихожу оттого, что меня буквально поливают ледяной водой.

— Света, Свет, вставай...

Тихий голос мужа отрезвляет.

Разом понимаю, где я и что я.

Я в доме, который считала своим, и который, оказывается, у меня просто подло украли!

А ведь я вложила сюда свои деньги!

Вернее, не совсем сюда. Я ведь уезжала работать в провинцию по программе «Земский доктор». Отработала положенное время, целых пять лет! Получила финансовую поддержку. Потом вернулась сюда. Деньги мы с Андреем вложили в ипотеку. Его отец в то время только-только начал подниматься.

Я тогда с детьми уезжала на заработки. Андрея с собой звала. Его мамаша не пустила. Сыночке-корзиночке в «Мухомосранске» делать нечего.

А я, между прочим, работала в очень приличной клинике, в хорошем, достойном городке в Курской области.

Мне казалось тогда, что мы с Андреем разойдемся. Чужими стали совсем. Лучше бы тогда разошлись, реально.

Квартиру купили, ипотеку выплатили.

Продали, чтобы построить дом...

Построили.

Как мне теперь доказать, что я тут имею какие-то права?

Мне юрист нужен.

В нашей поликлинике вроде бы толковая женщина работает.

Надо к ней сходить.

Интересно, а куда мне вообще сейчас? Они ведь меня реально выпереть хотят!

— Свет, ты как?

— Нормально, Усольцев, жива пока...

Смотрю на Андрея, который глаза от меня прячет, и мне стыдно. Стыдно, что прожила с ним столько лет. Стыдно, что всё пыталась полюбить...

— Ты... ты же понимаешь, что это не твой ребенок?

— Что ты заладила? Не мой, не мой! Откуда ты знаешь?

— Андрей, я...

— Мы проверялись десять лет назад! Медицина не стоит на месте.

— Ну да, конечно. Только и ты не молодеешь.

— А вот и нет! Мне всё сказали. Это ты... ты сидишь, в этой своей поликлинике, ничего не знаешь.

— Разумеется, я ничего не знаю!

— Андрей, что ты с ней разговариваешь еще? Она мать твою чуть не убила! — снова врывается в разговор свекровь.

— Не орите, пожалуйста...

— Это мой дом, хоч и ору! А вот ты... встала и вышла

отсюда!

— Никуда я не пойду. А еще, подам на вас в суд за обман! Этот дом мой, часть его — точно! Мы продали квартиру, деньги на которую заработала я!

— Это когда было? Докажи! И деньги ты отдала сама. Всё подписала, так что... Давай, выматывайся отсюда.

— Я сказала, что я никуда не пойду.

Стараюсь быть спокойной, но голова раскалывается.

— Товарищ участковый, поспособствуйте, а?

— Римма Марковна, успокойтесь, вам не стыдно? — у меня уже просто нет сил, голос повышаю.

— Мне стыдно? Мне? Нет, посмотрите на нее! Руку подняла, на мать мужа! На святую женщину, которая ее нагулянных детей растила!

— Кого вы растили? Моих детей? Хватит. Всё...

Мне так мерзко на душе. Просто воронка, черная дыра внутри.

Словно жизнь, которую я прожила, вся эта жизнь — обман.

Собственно, так и есть.

Меня, настоящей... меня ведь нет.

Я погибла.

Тоже погибла.

Встаю, шатаюсь, мне бы добраться до кровати. Хотя бы поспать.

Телефон еще нужно взять.

Но едва я выхожу в прихожую, чтобы взять сумку, как за мной выходит участковый и преграждает мне дорогу обратно.

— Сергей Юрьевич, в чем дело?

— Светлана Владимировна, вам лучше проехать со мной.

— Что?

Я в шоке.

Реально в шоке.

Смотрю на молодого мужчину, ему около тридцати, его жена часто приводит ко мне малыша-трехлетку, приятная такая женщина.

— Вы серьезно?

Он мнетя, топчется на одном месте. Смотрю за его спину, где свекровь маячит. Да уж... Попала так попала.

— Давайте проедем в отделение.

От этих слов меня просто накрывает.

— В смысле в отделение? В какое отделение? Вы с ума сошли?

— Вы напали на гражданку Усольцеву, она написала заявление.

— Вы же всё видели, Сергей Юрьевич? — Смотрю на участкового, чувствуя, как колотится дико сердце.

— Видел. Вы ей руки выкручивали.

— Я? Она на меня напала в моем же доме.

— Это не ваш дом.

— Я тут прописана!

— Нет. Вы не прописаны.

— Как? Я же...

Вспоминаю, что Андрей обещал всем заняться, а я со своей занятостью на работе...

Это было еще перед летом. Перед каникулами. Обычно всегда наплыв пациентов. Кому нужна справка в лагерь, кому — анализы для путевок в санатории. Кто-то просто весь год не отрывается от учебы, а летом приходит лечить всё и сразу.

Мне было не до прописки.

И не до того, чтобы узнать, на кого же оформлен дом.

Андрей что-то дал подписать мне, сказал, согласие на сделку. Я подписала. Я, конечно, в курсе, что для того, чтобы что-то продать или купить, нужно согласие супруга. Или супруги.

Значит, он купил дом для своей мамы и любовницы?

— Абсурд какой-то... абсурд. Я не хочу никуда ехать. Я устала. У меня сегодня было больше тридцати пациентов. Можно я завтра приеду сама?

— Лучше поедemте сейчас, пожалуйста. Боюсь... потом будет хуже.

Хуже? Куда хуже?

Мы с участковым стоим на пороге моего, как оказалось, чужого дома.

В доме мой муж, вернее, тот, кого я двадцать лет считала своим мужем. Любящим меня, достойным. Хорошим.

В доме муж, его родители и его любовница.

Прямо сейчас они сидят в столовой, мебель и дизайн которой помогала выбирать я, пьют чай из моего сервиза, едят шарлотку, которую я испекла вчера.

Это нормально?

Смотрю на участкового, который отводит глаза.

— Что?

— Светлана Владимировна, вы же сами понимаете.

— Что я должна понять?

— Что ваш... в общем... ваш муж, его отец...

— Ясно, не продолжайте. А если я подам встречное заявление? Заявлю, что меня избили в моем же доме? Что всё подстроено? Что в нашем городе процветает коррупция?

Сергей как-то гаденько усмехается.

— Подавайте.

Глава 4

Подавайте.

Попробуйте, да, когда надо подать заявление на жену мэра. На даму, которую в нашем городе боятся, потому что знают, что она малоадекватная.

Нет, достаточно долгое время Римма Марковна умело маскировалась под приличную женщину. На людях.

Дома-то со мной она давно не церемонилась. Ну, если только вначале.

Потому что вначале и Андрей мой был совсем другим. С амбициями, с перспективами, с желанием оторваться от родового гнезда, работать, кем-то стать.

И он меня любил.

Я знаю, что тогда он поставил матери ультиматум. Или позвольте жениться на Светлане, или уйду из дома, и вы меня не увидите.

Да, да, такое было.

И были злые слова свекрови, сказанные тихо, украдкой — всё равно разведу.

Это не мне было сказано, но я услышала.

Просто в том состоянии в котором я была — мне было всё равно.

По мне таким катком проехали, такие люди, что слова мамы Андрея на меня никакого действия не возымели. Да

и кто она была? Жена бизнесмена средней руки. Тогда. Это теперь вот... «мэрша».

Двадцать лет назад я бежала от гнева и ярости совсем других людей.

Соболь...

До сих пор от этой фамилии в дрожь кидает.

До сих пор иногда нет-нет, да снятся кошмары.

Александр Соболь. Красавец военный. Внешне — киногерой. Да и внутренне.

Был Сашка героем, был. И любил меня. Сильно. И я его.

Его вообще нельзя было не любить.

Эти серые глаза, улыбка. Ямочки на щеках и на подбородке. Смех.

Голос. Его руки...

Это было с первого взгляда. Сразу. Как в омут.

Я даже не представляла, что так бывает!

Влюбилась так, что дышать не могла.

И он.

Он тоже любил.

— Лана... ты необыкновенная, неземная моя девочка. Люблю тебя.

— Сашка, и я... я тоже тебя люблю!

Любил... и женился бы.

Только...

Его семье я тоже не пришлась ко двору. А там были такие люди, против которых я точно ничего тогда не могла сделать.

Дед в Министерстве обороны, бабука в Министерстве внутренних дел...

И я, нищая студентка, у которой поддержки только больная мама и возрастной дедушка.

— Где он тебя только откопал... «медичка»... — эти слова и тон его бабушки я на всю жизнь запомнила.

И другие слова, страшные.

И ультиматум, который мне поставили. Жизнь моей матери, моя жизнь, жизнь моих нерожденных детей.

Или любовь.

Я не предавала его. Нет.

У меня просто не было выбора.

Поэтому Саше сказали, что я погибла.

А я всем говорила и говорю, что погиб он.

Я запретила себе думать о нем. Запретила искать.

Запретила чувствовать.

Боль тогда была такой, словно у меня сердце внутри на куски развалилось. Просто вдребезги.

Мне было двадцать лет. И я перенесла микроинфаркт.

Беременная.

Сама не знала. Просто потом пошла к нашему кардиологу на кафедру. Так плохо было... Она посмотрела на меня, сделала ЭКГ...

— Что же ты с собой творишь, девочка?

А я ничего не творила.

Я просто умерла.

Так проще было. Уехала. Затерялась. Растворилась.
Я знала, что он не будет меня искать. Мой Соболь.
Не будет...

Мертвых не ищут.

А еще я боялась. Потому что было кого бояться.

Два Министерства.

Потому что я знала, что делают с теми, кто нарушил приказ. А я хотела жить. Жить сама. Чтобы дети мои жили.

Поэтому они у меня Усольцевы. И отчество — Андреевичи. Александра Андреевна и Владимир Андреевич.

Им по двадцать. И они оба учатся в институтах в областном центре.

А я вот тут.

Совсем одна.

Снова одна.

Я, собственно, и вышла тогда за Андрея, потому что было очень страшно остаться одной и без поддержки. Мама болела, дедушка тоже был совсем плох.

А я беременная...

Андрей... Брак с ним обещал мне просто покой. Покой, который на тот момент был мне очень нужен.

А еще Андрей закрыл глаза на беременность от другого и готов был помогать, потому что мне нужно было учиться.

Кстати, это его бабушка сидела с моими малышами, пока я корпела в анатомичке и на лекциях. Она, мать его отца, одна приняла меня с открытым сердцем. Одна из всей семьи.

Жаль, что она ушла, когда моим сорванцам было по восемь.

Да уж...

Бабушка Соболя сделала всё, чтобы меня уничтожить, а бабушка Андрея спасла.

Такая вот ирония судьбы.

Забавно сидеть в отделении полиции и вспоминать свою жизнь.

Матерой преступницей себя чувствуешь.

Которую вот-вот закроют. Как там говорят — отправят на нары?

— Гражданка Усольцева, вы можете идти...

Идти, а куда?

Глава 5

Куда идти...

Вопрос, конечно, интересный. Учитывая, что еще днем я считала, что идти мне есть куда. У меня есть дом, семья.

Теперь, получается, дома нет, а семья...

Дети, мои дети, только они остались, больше никого.

Хочется плакать. Очень хочется. Но нельзя.

Я не могу себе позволить слезы. Не сейчас.

Достаю телефон. Заряда осталось десять процентов.

Набираю подруге, Алисе. Мы коллеги, она тоже работает в детской поликлинике, шикарный физиотерапевт.

— Да, дорогая, привет, что-то срочное? Я тут на свидание бегу, — запыхавшись, отвечает Алиска.

Черт, свидание...

— Привет. Нет, не срочно. Беги. Перезвоню.

Уже собираюсь нажать отбой, но не успеваю.

— Нет, подожди, ты не стала бы звонить просто так, что случилось?

— Всё в порядке, беги!

— Лан, давай колись, что?

— Всё хорошо, просто... ты на свидание на всю ночь?

— Так... Усольева, мне это не нравится! Я сейчас никуда не пойду!

— Пойдешь. Если не пойдешь, я ничего не расскажу.

— Ты где? Ты же не дома? Я слышу, ты на улице?

Я реально на улице, иду по дороге сама не знаю куда. В отделение меня привез участковый. Машина моя осталась у дома.

Так, машина точно моя, я сама ее оформляла, сама брала кредит. Ее отобрать не смогут, только... Только если всё делить, то...

Черт... Господи, как я могла быть такой дурой? Как?

Почему я так доверяла Андрею?

Мне казалось, он меня любит, он не причинит мне боль...

Господи...

— Ланка, ты где? Тебя забрать? Что случилось?

Мне очень стыдно перед подругой, которая не может устроить свою личную жизнь, и я не стала бы ей звонить, если бы знала, но...

— Можно у тебя переночевать?

— Так... что за кабздец, Усольцева? Ты ушла из дома?

Молчу.

Как сказать? Ушла... не ушла.

— Или тебя «ушли»? — А вот тут подруга зрит в корень.

Снова мое молчание дает подруге пищу для размышлений.

— Так. Ты на машине? Или такси? Приезжай, я всё отменю сейчас...

— Нет! — почти ору в ответ, отшатывается какая-то пожилая собачница, гуляющая по бульвару. — Нет, езжай на

свидание. Пожалуйста. Я... я тебя подожду. Или... оставь ключи соседке, если ты на ночь... Или... нет, слушай, я сниму номер в гостинице, всё в порядке.

— Даже не смей! Приезжай. Я тебя жду.

— Свидание, Алис. Пожалуйста, езжай на свидание. Я... я могу подождать в кафе. Если ты отменишь свидание, я не приеду, поняла?

— Нет. Я... Хорошо, я оставлю ключи тете Вале. Я не на ночь, не думай, это просто... свидание вслепую почти. Давай. Я побежала. Жду тебя.

Господи, благослови настоящих подруг.

И женскую дружбу, которая на самом деле бывает.

Заряда телефона хватает, чтобы заказать машину. Хорошо, что все эти приложения появились, сил еще куда-то звонить — нет.

Выдыхаю, когда забираю ключи у пожилой соседки Алисы, которая, к счастью, ничего не спрашивает, а в нагрузку к ключам дает кусок пирога и баночку икры из баклажанов.

— Это по рецепту моей тети из Одессы, когда-то у нее ела... Теперь только переписываемся изредка... эх...

— Спасибо вам.

Захожу в квартиру, сразу вижу записку, прикрепленную на зеркале:

«Дорогая, я ненадолго! В холодильнике еда, на столе печенье — вчера пекла, фрукты, в ванной свежие полотенца и халат, будь как дома! (Но не забывай, что в гостях)».

И забавный смайлик.

Ох, Алиса...

Я буквально падаю на банкетку, тут же в прихожей.

Нет сил даже раздеться, снять пальто. Сумку только кинула на комод.

Слезы размазываю. В руках пирог и банка икры.

Заморская, баклажанная — вспоминаю фразу из фильма.

Смешно.

Такая жалость к себе накатывает!

Господи, Усольцева! Как ты докатилась до жизни такой, а?

Я, человек с высшим образованием, медик, врач, имею публикации по своей специальности, меня уважают коллеги, родители пациентов, даже сами пациенты, хотя порой приходится отправлять их на уколы и прививки... Я мать двоих взрослых детей!

Бездомная, опозоренная, преданная...

И что мне делать?

Встаю. Снимаю сапоги, пальто.

Иду на кухню. Руки мою, беру ложку, открываю банку икры... Пахнет одуряюще, чесночком. Отправляю ложку в рот...

Господи, какая я голодная! Съедаю сразу полбанки, находя кусочек черствого бородинского — Алиса вечно худеет и хлеб дома не держит.

Утолив голод, чувствую прилив сил и энергии.

Из дома меня, значит, выперли?

И что, думаете, я буду молчать?

Нет уж, мои хорошие! Молчать я точно не буду!

Баста!

Вы объявили мне войну? Вызов я приняла!

Еще бы душ принять.

Или ванну.

Реально после всей этой истории, особенно после отделения, надо бы помыться.

Раздеваюсь, набираю ванну, соль стоит на стиральной машине — Алиска и тут позаботилась, знает, что я люблю.

Почти в кипятке расслабляюсь.

Но слезы снова текут.

Я часто представляла, что было бы с моей жизнью, если бы мой Соболев всё-таки меня нашел. Если бы он не поверил в мою гибель, начал копать.

Там же, по сути-то, белыми нитками было шито.

Хотя, возможно, я чего-то не знаю и его родные документы сфабриковали, могилку обустроили. С них станется!

Но если бы...

Мог бы он вот так вот меня из дома выпереть? Изменить с молодой?

Вспоминаю его твердый взгляд.

Его волевой подбородок.

Нет. Он бы не смог.

Он любил меня. По-настоящему любил. Сильно.

Как и я его.

Он бы не предал никогда.

Интересно, где он сейчас? Как живет? Женат? Дети?

Ох, Лана, Лана... конечно, всё у него есть. И жена, и дети, и карьера. Небось уже генерал давно. С привилегиями.

И точно ни в какие зоны его никто не отправит.

Это я сейчас живу в страхе, что сын, не дай бог, попадет.

Нет, я не против армии, не в этом дело.

Но ведь это нормально для матери — не хотеть, чтобы сына забрали... забрали туда, где стреляют и убивают, ведь так?

Оживает телефон.

Вытираю руки о полотенце, беру его со стиралки.

Алиска.

«Дорогая, как ты? Я уже всё, свидание — ужасный ужас, лечу домой! Голодная и холодная! Жди, буду минут через двадцать».

Улыбаюсь и почти сразу сцепляю зубы, потому что следующее сообщение прилетает от пока еще благоверного.

«Света, ты где? Я дома один, возвращайся».

Он нормальный?

То есть он считает, что после всего я могу вернуться?

Или я могу вернуться только из-за того, что он там один, без мамочки?

Только выхожу из ванной комнаты, как поворачивается ключ в замке.

Заходит Алиса.

— Ну, привет, подруга. Я так понимаю, мы вышли на тро-

пу войны?

Она понимает правильно.

Только вот почему у меня сосет под ложечкой от мысли, что я в любом случае окажусь в проигрыше?

— Слушай, ты не представляешь, что я узнала! — неожиданно говорит подруга. — Причем совершенно случайно!

Глава 6

Врачебная этика — вещь архиважная.

Никогда бы мне в голову не пришло обсуждать пациентов или их родителей с посторонними, особенно называя имена.

Осуждать за какие-то действия, вопросы, за то, что они не знают, казалось бы, элементарных вещей.

Я педиатр. Я очень люблю детей. Родителей — чуть меньше. Но в любом случае я стараюсь всегда вести себя и держать себя в рамках.

Да, врачебная этика — не пустой звук.

Для врачей.

Медперсонал к этому относится проще.

А уж персонал частных клиник...

Нет, я никого не осуждаю. И никого не буду грести под одну гребенку. Но всё-таки...

После того как я коротко рассказываю Алисе о том, что произошло в моем или, вернее, не моем доме, она качает головой, охреневает, что неудивительно, а потом выдает:

— Я думала, так не бывает. Когда всё совпало, но... я просто не знаю, как объяснить!

— Что?

— Ты не представляешь, что я узнала! Причем совершенно случайно!

Алиса наливает мне бокал, протягивает, сама опрокиды-

вает, чуть поморщившись, и выдает.

— Ты же помнишь Нинку, сестру, которая раньше со мной работала? Она еще к тебе ходила со своей старшей? Ну, такая, рыжая, смешливая.

— Да, конечно, помню, и что?

— Она теперь работает в частной клинике репродуктологии.

Слово репродуктология больно режет.

Понимаю, к чему клонит моя Алиска.

— Что, мой Андрей там был?

— Главное, что я встретила ее именно сегодня, понимаешь? Это... карма, что ли?

— И что?

— Слушай сначала. Я, значит, собираюсь уходить из этого ресторана, заходит Нина с мужем, видит меня и такие круглые глаза делает!

— И?

— В общем, она же помнит и тебя, и мужа твоего... Спросила, сначала, типа, издалека, мол, вы развелись? Я ей говорю — нет, с чего бы? А сама себе думаю, что, раз ты у меня ночевать собралась, значит, тут нечисто!

— Да уж...

— В общем, твой Андрей к ним приходил. С мамой. И с какой-то девицей.

С Мариной? Почему я не удивлена!

— Наблюдались они, то есть он, конечно, исследования

проводили. Мол, есть ли шанс.

— Ясно.

— Да погоди ты, ясно! Ничего не ясно. Ему сказали, что есть.

— То есть? Я чего-то не знаю?

Меня реально холодный пот прошибает. Мы ведь наблюдались! Мы даже в столицу ездили! И материал туда отправляли. И все руками разводили, мол, при всем желании. Ну, допустим, прошло лет пятнадцать, медицина вперед шагает семимильными шагами, то, что в начале нашего века казалось утопией, сейчас в порядке вещей.

Но бесплодие...

Если у него нет механизма производства сперматозоидов, то его нет! Как?

— В общем, типа они нашли живые сперматозоиды, которыми можно оплодотворить.

— Где нашли?

— Я бы тебе ответила в рифму, но это в корне неправильно. В тестикулах твоего супруга, видимо.

— Но это же невозможно?

— Нет ничего невозможного, когда у мужика, а вернее, у его мамыши, есть бабло! — усмехается Алиса, поднимая палец вверх.

— То есть?

— То есть ему сказали, что они есть, живчики у него есть, работоспособные. И оплодотворить его материалом при по-

мощи инсеминации или ЭКО вполне реально.

— Ему сказали? Ты мне намекаешь, что его обманули?

— Не я. Нинка мне намекнула. Она слышала, как потом это обсуждали докторица и начальство.

— Так. Ну, и?

— Что «ну, и»? Вот и думай, где, как и кто твоего муженька решил напялить!

— Да что мне думать? Я и так знаю. Марина. Вот эта самая, беременная. А может, и его маман, хотя...

— Что? — смотрит Алиса, а я, если честно, чуть зави-
саю...

Не очень понимаю, его мамаше это зачем? Или нагуленьши от любимой крестницы — это совсем не то, что нагуленьши от стервы жены?

— Знаешь, если честно, мне просто плевать.

— Тебе плевать? Лан, ты серьезно? Подожди... получается же, что его обманули! Может, он искренне верит, что может иметь детей! А они...

— И что? Ну... Пусть верит. Мне какая разница?

— Подожди, ты... ты же можешь их разоблачить! Вывести на чистую воду!

— Как, Алис? А главное — зачем?

— То есть как зачем? А справедливость?

— А справедливость вернет мне дом? Хотя...

Вспыхиваю, только представляя себе то, что могла бы сделать.

Могла бы шантажировать свекровь, например, этой информацией.

Сказать, что выложу Андрею всю правду: и про его болезнь, и про то, как он очень удачно излечился, и про то, что всю эту историю подстроила его мать, которую он так любит и считает авторитетом.

Интересно, удастся ли ей сохранить его любовь и преданность?

Размышляю над этим и усмехаюсь, сама себе отвечая.

Андрей всё равно простит мать.

Как всегда прощал.

А я...

Я в любом случае у разбитого корыта.

Как я могла это не просчитать? Как я могла не позаботиться о себе и детях?

— Лана, слушай, тебе нужен юрист. У нас в клинике тетка — ни рыба, ни мясо. Но я слышала, наша офтальмолог разводилась, и у нее был очень толковый адвокат. Надо узнать.

— Надо.

Узнать на самом деле надо. Возможно, есть способ доказать, что в этот дом вложены мои деньги.

Снова вибрирует телефон.

Снова Андрей.

«Света, ты где? Ты понимаешь, что только хуже будет? Зачем ты провоцируешь? Если я узнаю, что ты у него...»

У кого у него?

Я сейчас вообще ничего не понимаю.

Мой муж сошел с ума?

Или... или это какой-то хитрый ход, чтобы меня опорочить?

Со мной рядом мужчин-то не бывает!

Отцы на прием детей водят редко. В основном мамочки. А где еще я могу сталкиваться с мужчинами?

Бред, просто бред сумасшедшего.

Головой качаю, пока Алиска режет сыр с плесенью и выкладывает на тарелочки какую-то мясную нарезку.

Она включает телевизор.

— Прости, слушай, люблю, чтобы просто фоном, привыкла, даже без звука, пусть пятно будет. Потом, может, кинцо посмотрим, а? Ужасы, например. Или, наоборот, смешное?

Она еще что-то говорит, но я уже не слышу, потому что на экране он.

Мой Соболь...

Глава 7

Это наваждение.

Или такая злая ирония судьбы?

Почему именно сейчас? Сейчас я его вижу? Именно сегодня?

— Лан, ты чего?

— Нич... ег... — Я даже говорить не могу, горло сжимает, спирает. — Вклю... вк...

Пальцами показываю подруге, чтобы звук включила.

Алиска всё понимает, она у меня девочка грамотная. Сразу тихонько садится, сама на экран залипает.

— Красивый мужик какой... — шепчет.

А я рукой машу, помолчи, помолчи, дай... дай посмотреть! Послушать!

Но я почти не слышу, что он говорит.

Гул в ушах.

Шум.

Что-то про передислокацию, группировка войск, названия каких-то населенных пунктов. Успехи. Тиски. Дожимать.

Его сжатые челюсти.

Стальные глаза.

Ямочка на подбородке.

Собранный, строгий, уверенный.

Жесткий.

Он не был таким раньше.

Сколько времени прошло.

Титр. Генерал Соболев. Седые пряди на висках. Смуглая

кожа.

Красивый до смерти! Какой же он красивый!

Зажимаю рот ладошкой, слезы катятся. Не могу их остановить. Не могу, не могу... не могу...

Алиска что-то наливает в бокал. Подает.

Глотаю залпом. Обжигает.

Господи...

Столько лет прошло!

Почему сейчас? Почему именно сегодня?

Он изменился. И нет. Такой же, как был, только немного старше.

Немного.

На двадцать лет.

А я... я изменилась? Ну, лишние килограмм семь не стоит считать.

Я и сейчас худощавая, раньше так просто тощая была. Но с большой грудью. Это мне повезло. То есть в мои шестнадцать-восемнадцать я так не считала.

Тогда мне казалось, что это ужасно, потому что все пациенты залипали, кто-то смеялся, кто-то слюни пускал, кто-то предлагал сразу неприличное.

Я огрызалась.

Смешно. Когда я познакомилась с Сободем, мне кажется, на него никакого впечатления моя грудь не произвела.

Так, мазнул взглядом, и всё.

Мне было девятнадцать. Медицинский институт, второй курс.

Ему двадцать два — военное училище.

Нас пригласили к ним на новогодний бал. Нужно было репетировать вальс. Мы не очень понимали, зачем еще что-то репетировать? Но... надо, значит надо.

Я вообще тогда еще поняла, что медицина и армия очень похожи. И тут, и там есть такое слово — надо!

Наш институт находился довольно далеко от училища. На двух автобусах с пересадками. В общежитие оттуда мне тоже был путь неблизкий. Но что делать?

Это всё я рассказываю Алиске, которая сидит на кухонном диванчике, поджав ноги, с бокалом в руке, и всхлипывает.

А меня уносит в воспоминания. Такие горькие. Такие счастливые!

Я тогда стояла в паре с другим. Помню, он был тоже высокий, симпатичный, но отпустил пару каких-то сальных шуточек, и я замкнулась.

Мне вообще было не по себе среди такого количества мужчин. Я не привыкла. Хотя у нас на курсе парней было немало, но всё-таки наши были другие. Более... расслабленные, что ли? Хлипкие. На своей волне.

А эти... Выправка, статья, порода...

После первой репетиции мы вышли стайкой во двор, курсанты с нами.

— Подвезти? — вызвался мой партнер по вальсу. Я головой покачала, а девчонки защебетали — как же, на машине, конечно, удобнее.

— Ланка, садись, ну чего ты? Долго же ехать?

Но я головой покачала. Потопала к остановке.

Мимо с визгом три или четыре машины пронеслись.

А потом еще одна. Остановилась. Он вышел.

— Вам далеко? Я подвезу.

— Нет, спасибо.

— Садитесь, уже поздно и темно.

— Я привыкла.

— Тогда я вас провожу.

Закрыв машину, подошел.

— На автобус?

— А машину тут бросите?

Он плечами пожал. Без улыбки, серьезно.

— Идемте.

— Нет, я... не нужно так машину бросать. Мне... мне далеко ехать, это неудобно. Я сама.

— Я провожу.

Не знаю, упрямство во мне тогда сыграло или что-то еще. Но я потопала к остановке. Он за мной. Автобус первый подъехал сразу. А вот второго пришлось ждать. Холодно. Я

продрогла. Он явно тоже. Но виду не подавал.

Мы ехали молча. До общежития шли молча.

Компания хулиганов, которая всё время собиралась неподалеку от общаги и орала какие-то песни — затихла.

Он шел рядом как скала. Очень высокий. Явно очень крепкий физически.

У самой двери общаги я повернулась.

— Как же вы теперь домой? Поздно.

— Доберусь, не маленький.

— Спасибо вам.

— Вам бы шарф и шапку потеплее. И варежки.

Другому бы я могла ответить резко, мол, не твое дело, в чем хочу, в том и хожу. Вообще моя резкость и категоричность всегда были просто броней, щитом. Закрыться от всех. Отгородиться. Чтобы лишний раз не трогали.

Но тут...

— Да, я знаю. Пока не купила.

— Стипендия маленькая?

— Типа того.

— А родители не помогают?

— У меня только мама и дед. Дед старенький, мама болеет.

Плечами пожала. Обычно я это никому не рассказывала — кому какое дело, как я живу? Не нравится, как говорится, до свидания, никто не держит.

— Ясно. Завтра вы к нам опять к шести часам?

— Да. Надеюсь, успеем.

— Хорошо. Тогда до завтра, Лана.

Я вспыхнула. Он услышал мое имя?

— До завтра... — Я не знала даже, как его зовут.

— Александр, меня зовут. Можно Саша.

— До свидания, Саша. Спокойной ночи.

Зашла в общагу и кинулась тут же к окошку, которое у комендантской было.

Он шел по дороге. Спокойно так.

От стайки хулиганов отделились две фигуры. У меня внутри всё замерло. Но он что-то спокойно им сказал и пошел мимо. К остановке.

— Я полночи уснуть не могла. И понять, почему не сплю, тоже не могла. Вспоминала, как мы ехали. Как в автобусе было одно крайнее место, я села, а он стоял рядом. Высокий, красивый. Знаешь, у меня не было недостатка в ухажерах, ну, в том смысле, что многие пытались, и внимание было, и предложения. Только вот как-то никто не цеплял. Мне учиться нужно было. По возможности подрабатывать, чтобы хоть как-то выживать. Мама, конечно, пыталась помогать, но она тоже пахала как лошадь, с ее здоровьем... А в медицинском, сама понимаешь, особо не подработаешь. Ну, помогала кому-то с какими-то материалами, кого-то подтягивала. Тогда еще особенно не было развито всё это. Ни компьютеров, ни телефонов таких. У меня и мобильного тогда еще не было. Нищевродка. Но гордая. Всех отшивала. А тут... Он

мне очень понравился. Красивый, сильный, военный...

— Вовка твой так на него похож... И Сашенька тоже. Одно лицо.

Я киваю.

Алиска всё поняла, конечно. Даже объяснять не надо.

Мои дети полностью в его породу пошли.

— Погоди...

Подруга тащит из комнаты ноутбук, открывает.

— Сейчас...

— Не надо. О нем нет никакой информации.

— Найдем. Выпуск этот найдем, это же первый канал! На сайте точно есть. Вот, смотри...

Смотрю. Еще раз. С самого начала.

И опять почти ничего не слышу и не понимаю. Только вижу его глаза. Уставшие, погасшие глаза моего любимого.

— Лан... у него нет кольца, слышишь? Нет кольца!

Слышу. Только... какая мне теперь разница?

Глава 8

Нет кольца...

Это ничего не значит. Военные редко носят кольца, это я знаю. Он сам мне говорил. Да-да, он...

Мой Соболь.

Нет, мой Саша... Я его так называла.

Саша.

Соболь — это про себя. Или иногда, так, по случаю. Мне нравилась его фамилия. И я... Я примеряла ее на себя.

Светлана Соболь. Красиво, правда?

Очень красиво.

— Ланка, расскажи...

Расскажи...

Я и сама хочу, хоть немного вспомнить. Еще раз окунуться в те дни, в ту свою счастливую жизнь.

На следующий день он приехал к училищу на машине.

Вышел, ждал меня. Он был в форме, в шинели, высокий, стройный, подтянутый. Наши все увидели, конечно, естественно, все дружно затаили: «О-о», «Вот это Лапке повезло», «Вау...» Ну и тому подобное.

А я... Я стояла оторопев.

Саша сам подошел.

— Добрый вечер, Лана, поедем?

Что мне было делать? Отказываться? Конечно глупо.

Я пошла к машине на совершенно ватных ногах.

— Девушки, я могу подвезти еще троих, если есть желающие, — спокойно сказал Саша.

Кто-то из девчонок дернулся, но наша староста Ивлева, имевшая авторитет, резко одернула:

— Сами доберемся, спасибо, товарищ лейтенант. Осторожнее там, с нашей Лапкой.

— Лапкой? — это он переспросил, открывая мне дверь, так галантно.

— Лапина. Это моя фамилия. Светлана Лапина.

— Светлана... — он повторил, садясь на водительское. — А я всё думал, Лана, Лана... откуда такое имя.

— С детства. Я не выговаривала почему-то Света, и мама стала звать меня Лана.

— Очень красиво. И вам идет.

— Спасибо.

Мне кажется, я до сих пор помню то свое состояние. В его машине.

Казалось, сердце из груди выпрыгнет. Меня всю трясло, но я старалась сдерживаться. Я была взбудоражена. Я была потрясена.

Я была счастлива.

Он приехал!

Я даже не думала об этом!

А он...

— Как вам удалось забрать машину?

— Поехал и забрал. — Он чуть улыбнулся.

Вел уверенно, спокойно. Не обгонял, не лихачил.

Тогда мне казалось, что он словно разруливает всё как-то невидимо. У нас в городе с движением обычно был хаос. Сказывались не самые удачные развязки, много круговых движений. Да и время такое было.

Начало нулевых, а у нас еще всюю отголоски девяностых.

Полдороги мы молчали.

Потом у него зазвонил телефон.

Тогда уже мобильные не были редкостью, простенькие аппаратики были у всех девчонок в группе. Я тоже приценивалась. Но постоянно откладывала покупку. Ведь надо было еще платить за саму связь потом. А на какие, как говорится, шиши?

У Соболя был какой-то крутой аппарат. Это я поняла. Он ответил, пока мы стояли в небольшой пробке на мосту.

— Да, ба, я за рулем. Да, еду на репетицию. Девочки из «меда». Я всё понял, бабушка. Спасибо, пока-пока... Извини, до свидания.

Он улыбался.

Это я потом уже поняла, проанализировала, что звонила ему та самая бабушка. Видимо, давала наставления по поводу «медичек», чтобы не дай бог...

А он не слушал.

В зале Саша встал со мной в пару. Я не удивилась. Мой бывший партнер, ухмыляясь, прижимал к себе Танюшу Но-

викову, она посмеивалась радостно. Видимо, его пошлости ее не смущали.

Вел Саша потрясающе. А я вот пару раз сбилась. Краснела, извинялась.

— Ничего страшного, ты прекрасно танцуешь, занималась?

Я действительно занималась бальными танцами. Когда еще папа был жив. Ну, так, занималась, в студии при школе, ничего особенного. Без больших денежных вложений. Для себя. Потом уже я отвела своих близнецов на танцы. Хотелось, чтобы они научились. Слегка обалдела от того, насколько это затратно. У моего Вовки получалось, и мне даже предлагали его «продать».

— В смысле продать? — переспрашивает Алиска, а я смотрю удивленно.

Я настолько улетела в прошлое, что даже не понимаю, что сижу на ее кухне, рассказываю ей всё.

— Продать партнерше, которая готова платить за занятия, за индивидуалки, за выезды на конкурсы, ну и за сами конкурсы.

— Ого, а так бывает?

— Бывает.

Сына я, конечно, не продала. Танцевали они в паре, брат и сестра. Какие-то даже конкурсы местечковые выигрывали.

А я всегда думала — если бы ОН увидел, узнал.

Танцевать с Сободем тогда — это было счастье.

Но я даже не рассчитывала на что-то большее. Где он и где я.

Потом, я же всё время отдавала учебе, мне было не до романов.

Ну, это я так думала.

Он отвез меня до общежития. Тут я тоже не сопротивлялась.

— Саша, вам не нужно завтра приезжать.

— Почему? — он спросил просто. Глядя мне в глаза.

— Это сложно. Вы тратите время, едете через весь город.

— Это ведь мое время? И я трачу его по своему усмотрению.

— Зачем? — я задала очень простой вопрос.

— Что, зачем?

— Зачем вам тратить время на меня?

Он смотрел долго, без улыбки, спокойно.

— Мне кажется, это самая правильная трата времени за последнее время, — и усмехнулся. — Простите за тавтологию.

Правильная трата времени.

Я смутилась.

Опустила голову.

— Лана, если у вас есть какая-то веская причина, по которой я не должен приезжать...

— Какая причина? — не поняла я.

— Например, молодой человек.

— Кто?

— Парень у тебя есть?

Меня в жар бросило. И от вопроса. И от его «ты».

— Нет, вы что, откуда, я... у меня времени нет, и вообще...

— Хорошо.

— Что?

— Что времени нет. — И улыбнулся, на этот раз так искренне. — Значит, мы с вами правильно тратим свое время.

Правильно.

Я не была в этом уверена.

Я была счастлива.

И отдавала себе в этом отчет. Очень осознанно.

Я была счастлива, что он рядом, что он приезжает.

Каждый день, несмотря ни на что.

На третий он привез пакет.

— Возьми, пожалуйста, это тебе. — Мы как-то спокойно перешли на «ты».

В пакете были шарф, шапка и варежки. Модные и теплые.

Меня затопило стыдом.

— Спасибо, но нет.

— Лана, ты мерзнешь.

— Я куплю сама, я почти накопила. — Я безбожно врала, но это было не важно.

Я чувствовала такой мучительный стыд.

— Пожалуйста, возьми.

— Я не могу... неужели ты не понимаешь...

— Что?

— Это унизительно!

Сказала и выскочила из машины.

Побежала куда-то, куда глаза глядят. Слезы застилали.

Мне плевать было, видит кто-то или нет.

Он перехватил меня быстро.

Прижал к себе крепко.

— Лана... Ланочка... Прости меня, я...

Он был так близко, такой высокий, невозможно красивый.

Я тогда подумала, что хочу сына от него. Такого же, как он, сына. Хочу до боли!

— Поцелуй меня...

Это я сама тогда сказала. Смело. Глупо.

— Лана...

Это был первый поцелуй.

Настоящий.

Именно настоящий, такой... как, наверное, только в сказках бывает. Или в романах.

Осторожный, нежный, сладкий.

Мне было так хорошо!

Даже зная, что потом будет так плохо, я ни за что бы от него не отказалась.

— Ланка... какая ты счастливая...

Алиска вытирает слезы.

И я.

Да, счастливая, несмотря ни на что.

Телефон натужно вибрирует на столе.

Муж.

Не хочу отвечать, но понимаю, что надо.

Даже зная, что я там услышу.

— Ты где? Ты в своем уме? Ты хочешь, чтобы весь город о тебе трепал?

Глава 9

Молча отключаюсь. Отправляю ему соответствующий его словам смайлик.

Отключаю телефон.

Смотрю на экран, где зависло изображение Соболя — Алиска нажала на паузу.

Хорош. Слишком хорош. Не могу смотреть.

Встаю, подхожу к окну, руками себя обнимаю.

Не могу, не могу, не могу...

Прошло же уже! Отболело!

Давно...

Двадцать лет как...

Мне так казалось. Казалось, что уже всё. Я это приняла.

Поняла и приняла, что по-другому никак.

Но вот...

Слезы сами катятся. Крупные, болючие...

Если бы не то, что случилось в моей жизни сейчас!

Если бы не это...

Я бы продолжала спокойно жить с Андреем. Пытаться его любить. Отбивать атаки свекрови и свекра.

Черт... Свекор — вообще отдельная тема. Андрей и не знает. И не узнает. Точно не от меня. Хорошо, что у этого старого дурака хватило ума от меня отстать!

Господи... Почему мне второй раз вот так не повезло?

Чем я им-то тогда была так нехороша?

Про беременность они знали. Мы с Андрюшей и не скрывали.

Я училась в институте, была на хорошем счету.

А главное — их сын меня любил! Я... я делала всё, чтобы его полюбить. Я готова была сделать его счастливым за то, что он... что он вот так вот мне помог!

Взял. Дал свою фамилию мне, детям. За его любовь!

Почему?

— Лан, может, чайку? Или кофейку?

— Давай кофе, спать всё равно не будем.

— А завтра смена у тебя.

— Мне ко второй, а тебе?

— А у меня завтра отгул. Я же думала... Отгуляюсь сегодня, нагуляюсь, чтобы завтра рано не вставать.

Алиска смеется, а я вспоминаю, что она была на свидании!

— Слушай, прости, я даже не спросила, как у тебя там?

— А что спрашивать? У тебя двадцать лет назад гораздо интереснее.

— Ладно тебе, а серьезно? Ну, рассказывай!

— Было бы что рассказывать! Ой, такой душнила! Еще и «пополамщик»!

— Это как? — непонимающе морщит лоб.

— Это значит счет пополам! Причем, прикинь как, официантка подошла и спрашивает — вам отдельный счет или

вместе? Этот хмырь так возмутился, типа, конечно, вместе, я что, похож на жмота? А потом, когда она ушла, тихо так мне говорит, мол, Алиса, ты же понимаешь, что первое свидание, такое дело, решай, или просто по кофейку, или переведи мне половину суммы.

— А ты?

— Я сказала, пусть пьет свой поганый кофе, я оплачу сама, и его тоже могу угостить.

— А он что?

— А он не отказался!

— Да ну? И?

— И нажрал на пять тысяч, прикинь?

— И ты заплатила?

— Еще чего! У меня было ровно на полторы, я положила полторы на стол и свалила!

Я закатываю глаза — и смех и грех.

— Где ты их, таких, находишь?

— А где искать, Лан? Ну, правда? Ко мне на физиотерапию только мамочки детей таскают. На фитнесе или старперы все и женатики, или альфонсы, которые ищут богатую дамочку, чтобы взяла на содержание. У меня богатства, сама видишь, двушка в спальном районе, да старенький «кореец». На сайтах знакомств тоже те еще варианты. Зато столько «дикпиков», наверное, только урологи видят.

— Кого?

— Ой, Ланка, ты ж у нас незамутненная! Ну это... хозяй-

ство свое в личку шлют.

— Как? — Я на самом деле, видимо, незамутненная, потому что до меня не сразу доходит. — Ой...

— Вот тебе и «ой». В общем... неинтересно. Такого бы вот найти. — Алиска кивает на экран. — Только... нормальные же тоже все женаты. Как говорят — щенками разбирают?

— Щенками...

Я помню это выражение. Про щенков. Это мне комендантша нашей общаги тогда сказала, мол, ты молодец, Лапина, таких мужиков надо сразу брать. Щенками.

А я не понимала, молодец я или не молодец. Беру или не беру.

Мне было страшно.

Потому что Соболь... Соболь был идеальным.

Красивый, сильный, умный.

Богатый.

Я не была меркантильной, от слова совсем, я и сейчас не такая, и мне не было дела до того, что у него машина, телефон, что у него какие-то там вещи крутые — он ведь не всё время в форме ходил.

Один раз, еще до бала, пригласил меня в театр.

Пришел в таком шикарном костюме и в пальто!

Ну просто... Как Мистер Биг из «Секса в Большом городе», или как агент 007, Джеймс Бонд.

Он вообще напоминал киногероя. Притягивал взгляды.

А у меня было одно приличное платье. То, в котором я на бал, собственно, и собиралась.

Длинное, миди, легкое, голубое, с рукавами-фонариками. Мне его мама сшила на выпускной. Вообще, она не очень хорошо умела шить, но тут постаралась.

Я надела платье в театр. Свитер сверху — чтобы доехать, морозы ударили. В театре был такой дубак, но я свитер сняла.

— Надень, замерзнешь, заболешь.

— Некрасиво.

— Надень.

— Саша! — Я вскинула на него взгляд, было стыдно, что я рядом с ним вот такая...

— Глупенькая, ты самая красивая, не важно, во что ты одета. Ты... ты светишься изнутри, ты как солнце, Лана. Светлана. Светлая. Светлячок мой...

Он меня обнял. И я растаяла. И мне уже было плевать на свитер, оставила его, сверху еще накинула тот шарф, что он подарил — как палантин. Получилось очень даже ничего.

Он меня снова обнял, а потом мы услышали удивленный возглас.

— Саша?

Глава 10

— Добрый вечер, Агата Михайловна.

— Зачем так официально, милый? Тетя Агата вполне уместно.

Это была дама, с виду лет тридцати пяти, но я понимала, что она старше. Выглядела просто бесподобно. Элегантный костюм, шпильки, золотой клатч.

Я тоже успела переодеть туфельки. И сумочка у меня была дамская, вполне — соседка дала на вечер за конспекты.

— Как мама, отец?

— Спасибо, хорошо. Сейчас в Эмиратах.

— А бабуля? Элеонора Александровна в добром здравии, надеюсь?

— Более чем. В Карловых Варах.

— О! Замечательно! Надо будет потом расспросить ее, что там и как. Ну, хорошо, отдыхай, мой дорогой. — Она посмотрела на него так, словно хотела съесть, вернее, не совсем съесть... Меня тогда такая жгучая ревность накрыла! Просто черная! Я сама себя не узнавала...

— Еще бы... — прерывает мои воспоминания Алиса. — Может... может, и не так это хорошо, когда мужчина такой... идеальный. Все его хотят.

— Да, только, когда тебе двадцать, об этом как-то не думаешь. Вот я и не думала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.